
НИКОЛАЙ РЕЗЦОВ
ГЕНЕЗИС
научно-фантастический роман

Николай Резцов

Генезис

«Автор»
2026

Резцов Н.

Генезис / Н. Резцов — «Автор», 2026

2027 год. В секретной лаборатории начинается эксперимент, способный изменить судьбу человечества. Двое незнакомых мужчин пробуждаются спустя пять столетий в мире, где женщины построили совершенную цивилизацию, а мужской род считается исчезнувшим. Пытаясь выжить и раскрыть тайну прошлого, герои сталкиваются с запретными открытиями, предательством и неожиданными чувствами. Но что, если сама реальность хранит куда более страшную тайну, чем всё, что им предстоит узнать?

© Резцов Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. По ту сторону времени 6
Глава 1. Две незнакомые судьбы 11
Глава 2. Люди без имён 16
Глава 3. Проект «Генезис» 20
Глава 4. Последний день прошлого 23
Глава 5. Пять столетий тишины 26
Глава 6. Пробуждение 30
Глава 7. Биологическая аномалия 34
Глава 8. По другую сторону стекла 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Николай Резцов
Генезис

Николай Резцов
ГЕНЕЗИС
Научно-фантастический роман

Пролог. По ту сторону времени

На протяжении тысячелетий человечество пыталось постичь тайны собственной природы и найти способ противостоять смерти. В Древнем Египте бальзамировали тела умерших, надеясь сохранить их для загробной жизни. Античные врачи, среди которых были Гиппократ, Герофил и Гален, постепенно превращали изучение организма в самостоятельную область знания. Но даже самые авторитетные представления о человеческом теле нередко оказывались ошибочными.

В эпоху Возрождения анатомические рисунки Леонардо да Винчи и исследования Андреаса Везалия изменили представления о строении человека. В XVII веке Уильям Гарвей описал кровообращение, а развитие микроскопии открыло путь к изучению клеток. К XIX столетию хирургия, анестезия и антисептика позволили врачам вмешиваться в процессы, которые прежде считались неподвластными человеку.

Однако научный прогресс не всегда сопровождался уважением к человеческой жизни. После преступных медицинских экспериментов Второй мировой войны в 1947 году был сформулирован Нюрнбергский кодекс, закрепивший принцип добровольного согласия испытуемых. История показала, что даже признание нравственных границ не гарантирует их соблюдения.

Открытие структуры ДНК в 1953 году позволило приблизиться к пониманию молекулярных основ наследственности. Развитие криобиологии научило сохранять отдельные клетки и эмбрионы при низких температурах. В 1978 году родилась Луиза Браун, первый ребёнок, зачатый посредством экстракорпорального оплодотворения. В 1996 году появилась клонированная овца Долли, а в 2003 году было объявлено о завершении проекта «Геном человека». В 2023 году исследователи успешно восстановили функциональность криоконсервированных почек крыс и трансплантировали их. Но безопасное пробуждение целого человеческого организма после длительного хранения оставалось недостижимым.

Между сохранением отдельной клетки и сохранением целого организма лежала огромная научная пропасть. Повреждение тканей, нарушение кровоснабжения и утрата функций головного мозга ставили под сомнение саму возможность такого эксперимента. Даже если бы удалось сохранить тело, оставался вопрос: сохранится ли личность человека вместе с его памятью и сознанием?

Даже если бы учёным удалось сохранить все жизненно важные органы человека, оставался вопрос, на который невозможно было ответить исключительно с помощью медицинских исследований. Остался бы пробудившийся человек самим собой? Сохранились бы его воспоминания, чувства, привычки, убеждения и способность воспринимать окружающий мир?

И всё же для некоторых представителей научного сообщества перспектива преодоления биологических ограничений оказалась настолько привлекательной, что они больше не желали ждать.

К 2027 году человечество существовало в условиях стремительного технологического развития. Искусственный интеллект проникал во многие сферы человеческой деятельности, роботизация постепенно изменяла рынок труда, а медицинские технологии позволяли с возрастающей точностью исследовать состояние организма. В повседневной жизни человек продолжал оставаться таким же, каким был на протяжении многих предшествующих поколений. Он влюблялся, создавал семью, воспитывал детей, переживал разочарования, стремился к благополучию и боялся потерять близких.

В 2024 году был создан научно-исследовательский комплекс, официально занимавшийся регенеративной медициной и хранением биологических материалов. Однако в его подземном секторе G-01 группа учёных работала над куда более амбициозной задачей — обратимым био-

логическим стазисом, при котором жизненные процессы организма искусственно замедлялись бы на неопределённый срок.

Исследовательская программа получила название «Генезис». В переводе с древнегреческого языка это слово означало происхождение, возникновение, зарождение. Основатели проекта верили, что их открытие станет началом совершенно новой эпохи человеческого существования, в которой биологическое время перестанет определять судьбу личности.

Проект возглавлял профессор Виктор Андреевич Громов, специалист по экспериментальной физиологии. Когда он был студентом, его отец умер от болезни, перед которой медицина оказалась бессильна. С тех пор Громов мечтал дать таким пациентам возможность пережить собственную эпоху и дождаться появления лечения. Однако с годами стремление к этой цели превратилось в неспособность признавать поражения.

Доктор Елена Соколова, руководившая отделением клеточной биологии, поначалу восхищалась готовностью профессора выслушивать возражения. Но по мере того, как проект привлекал закрытое финансирование, научные разногласия всё чаще воспринимались как препятствия. Сведения о результатах исследований постепенно исчезали из открытых отчётов.



В начале 2027 года независимая комиссия отказалась разрешить испытания на людях: технология представляла угрозу человеческой жизни. Руководство комплекса проигнорировало запрет, переведя исследования в режим повышенной секретности. К ноябрю несколько испытуемых уже погибли.

В один из ноябрьских вечеров в центральном исследовательском зале за массивным стеклом находилась герметичная капсула. Громов и Соколова наблюдали за показателями жизнедеятельности очередного испытуемого.

— Показатели снова отклоняются от прогнозируемых значений, — произнесла она, внимательно изучая данные.

— Состояние тканей ухудшается. Особенно в центральной нервной системе. Мы наблюдали похожую картину во время предыдущего испытания.

— Продолжайте наблюдение.

— Виктор Андреевич, мы должны прекратить эксперимент.

— Рано? Мы уже несколько раз видели подобные изменения. Каждый раз последствия были одинаковыми.

Внезапно раздался предупредительный сигнал. Активность головного мозга испытуемого стремительно снижалась. Соколова бросилась к экспериментальной камере.

— Немедленно прекратите исследование! Начинайте реанимационные мероприятия!

Медицинская бригада попыталась стабилизировать состояние пациента. Но спустя несколько минут графики на мониторах замерли. Очередная попытка завершилась провалом.

— Он умер.

— Подготовьте полный отчёт о состоянии организма на всех этапах исследования.

— Погиб человек, Виктор Андреевич! И это уже не первый случай. Сколько ещё людей должно умереть, прежде чем вы признаете, что мы не готовы проводить подобные эксперименты?

— Я соглашалась спасать человеческие жизни, а не отнимать их.

— Тогда почему результат нашей работы находится за этим стеклом?

— Когда-нибудь благодаря нашим исследованиям человек сможет пережить собственную эпоху. Болезни, которые сегодня лишают жизни миллионы людей, больше не будут означать смертного приговора. Мы сможем сохранять пациентов до появления необходимых методов лечения. Разве эта возможность не заслуживает того, чтобы продолжать исследования?

— Заслуживает. Но она не даёт нам права распоряжаться чужими жизнями.

— Вы рассматриваете настоящее. Я рассматриваю будущее.

— Будущее не освобождает нас от ответственности за то, что мы делаем сегодня.

Поздней ночью Соколова открыла личный журнал. Последнего испытуемого звали Илья Семёнов. Тридцать шесть лет, электромонтёр. Перед экспериментом он просил позволить ему позвонить жене. В закрытой базе его имя заменили номером G-10, а гибель предложили обозначить как невосстановленную жизнеспособность объекта. Елена сохранила исходные данные и записала собственное свидетельство, понимая, что и сама несёт ответственность за случившееся.

Последующий анализ показал, что главная проблема заключалась в восстановлении жизненных функций после выхода из стазиса. Наиболее серьёзные повреждения возникали в тканях головного мозга и системе кровоснабжения. Громов, однако, решил разделить задачу на две части: сначала сохранить организм, а безопасное пробуждение отложить до появления более совершенных технологий.

В конце ноября в закрытом конференц-зале собрались руководители проекта, представители финансирующих организаций и сотрудники службы безопасности.

— Мы допустили ошибку, пытаясь завершить весь эксперимент в пределах одного исследовательского цикла, — объяснил Громов. — Технология сохранения организма опережает наши возможности по его восстановлению. Мы пытаемся решить две фундаментальные задачи одновременно, хотя можем разделить их во времени.

— Что конкретно вы предлагаете?

— Ввести испытуемых в состояние длительного биологического стазиса и отказаться от попытки немедленного пробуждения.

— На какой срок?

— До появления технологии, способной обеспечить безопасное восстановление организма.

— Вы хотите сказать, что человек может оставаться в таком состоянии даже после нашей смерти?

— Теоретически подобная возможность существует. Однако нам необходимо получить подтверждение.

— А если будущие поколения не смогут завершить эксперимент?

— Тогда наши испытуемые никогда не проснутся.

— Независимая комиссия не одобрит подобное исследование. Ни один этический комитет не разрешит проведение эксперимента с неопределённым сроком пребывания человека в таком состоянии.

— Добровольцев тоже будет практически невозможно найти.

— Сколько человек вам потребуется? — неожиданно спросил руководитель службы безопасности.

— Для начала достаточно двоих. Нам необходимы два независимых наблюдения, чтобы оценить, насколько устойчивыми окажутся результаты.

— Мужчины или женщины?

— На данном этапе предпочтительнее продолжить исследование с мужчинами. Большая часть накопленных нами экспериментальных данных относится именно к мужскому организму. Необходимо сохранить сопоставимость результатов.

— Возраст?

— Совершеннолетние мужчины без тяжёлых хронических заболеваний. Желательно с различающимися индивидуальными физиологическими особенностями. Остальное мы определим после обследования.

— Хорошо. Мы предоставим вам двух кандидатов.

— Каким образом вы собираетесь их найти?

— Полагаю, профессор, вам следует заниматься наукой. Остальные вопросы находятся за пределами вашей компетенции.

Совещание завершилось утверждением новой экспериментальной программы. В официальном отчёте сообщалось о приостановлении исследований, однако внутри комплекса началась подготовка к следующему этапу «Генезиса».

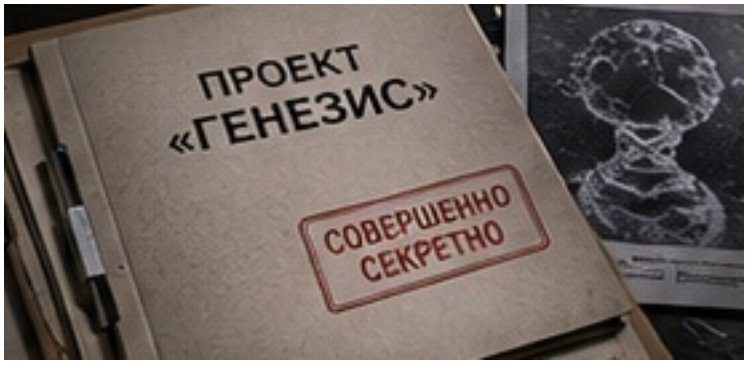
За пределами подземной лаборатории жизнь продолжалась своим привычным чередом. Люди просыпались по утрам, отправлялись на работу, возвращались домой, встречались с друзьями, строили планы на будущее и обсуждали происходившие в мире события.

Среди миллионов людей жили двое мужчин, никогда прежде не встречавшихся друг с другом. Они получили разное образование, занимались совершенно различной профессиональной деятельностью, обладали собственными взглядами на жизнь и по-разному представляли своё будущее. Один из них не спешил создавать семью, дорожа независимостью и привычным одиночеством. Другой уже познал семейную жизнь, пережил расставание и пытался восстановить утраченное душевное равновесие.

Однако вскоре их личные дела оказались среди документов, поступивших в распоряжение секретной службы.

В тот момент, когда их кандидатуры были утверждены, оба мужчины ещё продолжали жить своими повседневными заботами. Они не знали, что посторонние люди уже приняли решение относительно их дальнейшей судьбы.

Для них время практически остановится. Для остального человечества оно продолжит своё неумолимое движение.


ПРОЕКТ
«ГЕНЕЗИС»
СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

Глава 1. Две незнакомые судьбы

Утро 29 ноября 2027 года было сырым и неприветливым. За окнами небольшой квартиры Артёма Воронцова чернели ветви деревьев, на стекле собирались капли дождя, а над крышами домов ещё не рассеялся ночной сумрак. Будильник звонил уже в третий раз, когда хозяин наконец протянул руку к телефону. В тридцать два года Артём добился почти всего, чего хотел: получил инженерное образование, нашёл работу на предприятии, занимавшемся промышленной автоматизацией, и приобрёл квартиру, пусть пока и принадлежавшую банку в большей степени, чем ему самому. Он мог самостоятельно решать, как провести вечер, куда отправиться в отпуск и на что потратить заработанное. Этого ему казалось вполне достаточно.

В списке непрочитанных сообщений первым стояло материнское: «Не забудь приехать в воскресенье». Вторым — фотография, присланная другом. На ней тот держал новорождённую дочь. Артём написал поздравление, добавил несколько восклицательных знаков и почувствовал знакомое, почти виноватое облегчение оттого, что ему самому не нужно вставать среди ночи к детской кроватке.

Прежде чем отправиться на работу, Артём всё-таки заварил кофе. На подоконнике лежала разобранная настольная лампа, которую он собирался починить ещё неделю назад. Кухонные часы отставали на семь минут, а входная дверь скрипела при каждом открывании. Сам хозяин квартиры устранял сложные неполадки на предприятии за считаные часы, но в собственном жилище мог месяцами обходиться неисправностями. Он называл это отсутствием времени, хотя вечером часто не знал, чем себя занять.

В прихожей он задержался возле зеркала. Растрёпанные волосы, след от подушки на щеке, небольшая царапина на пальце. Ещё один рабочий день. На улице Артём присоединился к потоку людей, спешивших к остановке. В промокшем пальто рядом стояла женщина с девочкой лет пяти. Девочка держала в руках игрушечного зайца и рассказывала матери, что тот непременно станет врачом. Мать вяло кивала, не отрывая взгляда от телефона. Когда подъехал автобус, она убрала телефон в карман, подняла дочь и помогла ей забраться внутрь.

Артёму досталось место у окна. Он смотрел, как мимо проплывают закрытые магазины, рекламные панели и дворы с ещё не погашенными фонарями. На экране телефона заголовки новостей сменяли друг друга: новая медицинская разработка, рост цен, очередной спор об искусственном интеллекте, обещания усовершенствовать транспортную систему. Будущее присутствовало во всех этих сообщениях как нечто, до чего оставалось совсем немного. Однако сам Артём ощущал его главным образом в виде платежей по ипотеке и необходимости искать новые способы выполнять работу быстрее.

Рядом освободилось место. На него сел мужчина с ребёнком, который всю дорогу задавал вопросы о снеге, хотя на улице пока шёл дождь. Артём уступил мальчику возможность смотреть в окно и вернулся к новостям. Семейная жизнь представлялась ему бесконечной последовательностью таких мелких обязанностей. Он не осуждал людей, выбравших её, но с удивлением обнаруживал, что окружающие ждут от него того же.

Несколько лет назад Артём встречался с девушкой по имени Ольга. Они ладили, много путешествовали, могли подолгу разговаривать и смеяться над одинаковыми вещами. Разногласия начались, когда Ольга впервые заговорила о совместной квартире. Не о свадьбе, не о ребёнке — только о квартире. Артём не видел причин менять сложившийся порядок. Он предложил подождать, пока закончится очередной проект, потом — до следующего отпуска. В конце концов Ольга перестала возвращаться к этому разговору. Когда она объявила о расставании, он спросил, почему нельзя было предупредить его заранее.

— Я предупреждала, — ответила она. — Просто ты всё время слышал не меня, а неудобство, которое тебе предстояло пережить.

Тогда он был обижен. Позднее признавался себе, что в её словах была правда, но немедленно находил множество причин не думать об этом. Он не хотел быть похожим на людей, годами терпевших несчастливые отношения из страха остаться одни. Только ему ещё предстояло понять разницу между независимостью и привычкой держать других на расстоянии.

На предприятии ему поручили разобраться с неисправностью автоматической линии. Машина периодически останавливала производство, хотя все датчики показывали нормальные значения. К обеду он обнаружил источник проблемы: два контроллера принимали противоречивые решения на основании одной и той же неполной информации.

— Удивительно, — заметил его коллега Павел. — Столько денег отдали за систему, а она не понимает элементарного.

— Она понимает ровно то, чему её научили, — ответил Артём. — Ошибка не в машине. Ошибка в том, кто придумал для неё правила.

В тот день он не придал собственным словам никакого значения.

В производственном зале пахло металлом и машинным маслом. На противоположном конце линии механические манипуляторы перемещали детали, почти не производя шума. Работницы и рабочие, следившие за процессом, давно привыкли к машинам, однако при каждом новом обновлении программного обеспечения кто-нибудь обязательно спрашивал, не окажется ли в следующем месяце лишним.

Павел предложил выпить кофе в комнате отдыха. На его телефоне была установлена программа, которая обещала определять настроение ребёнка по характеру плача. Он показал Артёму очередное уведомление и рассказал, что программа ошибочно рекомендовала покормить дочь сразу после кормления.

— Я думал, нас хотя бы ночью это избавит от споров, — пожаловался он.

— Как только она научится различать все виды плача, дочь начнёт разговаривать, — ответил Артём.

Павел засмеялся. Затем спросил, почему друг отказался приехать на выходных. Артём ответил, что у него есть дела.

— Какие?

Он на секунду задумался и понял, что ни одного важного дела не существует. В воскресенье он собирался навестить мать, остальное время мог провести как угодно.

— Поспать хочу, — честно сказал Артём.

— Повезло тебе.

В голосе Павла не было зависти. Он открыл фотографию дочери и принялся рассказывать, как та впервые улыбнулась. Артём подумал, что эти двое живут совершенно разными жизнями. При этом оба могли убедительно объяснить, почему не хотели бы поменяться местами.

Прежде чем закончить смену, Артём ещё раз проверил изменённые настройки. Производственная линия заработала без остановок. В журнале он указал не только причину сбоя, но и необходимость независимого контроля решений автоматической системы. Руководитель смены поинтересовался, зачем тратить время на дополнительную проверку, если проблема уже устранена.

— Чтобы следующая ошибка не стала правилом, — ответил Артём.



После работы позвонила мать. Нина Сергеевна расспросила сына о здоровье, предложила привезти ему домашнюю выпечку и, как всегда, осторожно поинтересовалась личной жизнью.

— Мам, ну сколько можно? — устало произнёс он. — У меня всё нормально.

— Я не прошу тебя жениться на первой встречной. Просто не хочется, чтобы однажды тебе стало не с кем поговорить.

— У меня есть друзья. Есть работа. Я не один.

— Это не одно и то же, Артём.

Он пообещал приехать в воскресенье и закончил разговор. На кухне стояла вторая чашка, которой никто давно не пользовался. Иногда он доставал её для гостей, но чаще забывал о её существовании.

Дом матери находился в старом жилом районе, где Артём вырос. По телефону она часто рассказывала ему о том, что переменилось во дворе. Дерево, возле которого он когда-то учился ездить на велосипеде, недавно спилили. На месте маленького магазина открылась аптека. В подъезде наконец заменили почтовые ящики, хотя один из соседей уже умудрился погнуть дверцу. Артём слушал эти рассказы с невниманием человека, которому кажется, что у него впереди ещё бесконечное число воскресений.

В тот вечер он открыл приложение с расписанием электричек и добавил в календарь напоминание. Потом, сам не зная зачем, просмотрел старые семейные фотографии. На одной отец стоял возле гаража, держа сына за плечо. На другой мать смеялась, прикрывая лицо рукой. Артём сохранил эту фотографию на телефон, намереваясь показать ей, если не забудет.

Затем он отложил устройство и включил телевизор. В новостях рассказывали о частной компании, которая обещала существенно увеличить продолжительность здоровой жизни. Ведущий спросил приглашённого биолога, увидит ли нынешнее поколение бессмертие. Биолог устало объяснил разницу между исследованием старения и обещаниями победить смерть. Артём дослушал лишь половину разговора. Он выключил телевизор и ушёл спать.

В другом конце города Максим Лебедев провёл то же утро среди архивных коробок. В тридцать восемь лет он работал историком-архивистом в институте городской истории. В его обязанности входила проверка подлинности документов, описание частных коллекций

и подготовка материалов для исследователей. Максим любил бумагу, особенно старую: она сохраняла следы чужих рук, неудачных исправлений, поспешно поставленных подписей. В цифровой копии многое исчезало. Оригинал же иногда рассказывал больше, чем его автор намеревался сообщить.

К нему подошла стажёрка с двумя листами, датированными одним годом. В обоих излагалась история закрытого в прошлом больничного отделения, однако один документ сообщал о добровольном переводе пациентов, другой — о принудительном.

— Какому верить? — спросила девушка.

— Пока никакому, — ответил Максим. — Выясните, кто их составил, когда и зачем. История начинается не с доверия, а с вопросов.

Стажёрка ушла, а Максим остался перед раскрытой папкой. На телефоне появилось напоминание об оплате коммунальных услуг за старую квартиру. Когда-то он жил там с Ириной. Они были женаты девять лет, и их дочери Кате недавно исполнилось шесть. Однако со временем стало ясно, что каждый из супругов представляет дальнейшую жизнь по-своему. Они расстались без громких сцен, но от этого было не легче. При последней встрече Ирина сказала, что устала жить с человеком, который приносит домой чужое прошлое и не замечает собственного настоящего.

В институте Максим задержался после окончания рабочего дня. Ему предстояло закончить сверку коллекции писем, принадлежавших семье врача, жившего в первой половине прошлого века. Особенный интерес вызывали две версии одного письма: черновик и чистовик. В черновике автор признавался брату, что опасался потерять работу, если открыто выступит против распоряжения руководства больницы. В отправленном письме не осталось ни слова о страхе. Вместо этого врач сообщал, что всё в порядке.

Максим долго думал о том, какая версия считается настоящей. Черновик точнее передавал чувства человека, но именно чистовик увидел адресат. История сохранила оба документа, и только поэтому потомки могли догадаться, насколько далеко официальное спокойствие находилось от пережитого страха. Если бы один из листов исчез, представление о жизни врача существенно изменилось бы.

— Вы опять здесь? — спросила стажёрка, заглянув в кабинет. — Мне казалось, вы давно ушли.

— Я тоже так думал.

Она принесла результаты поиска. Документ о добровольном переводе пациентов оказался составлен через полгода после события, тогда как второй был написан в тот же день сотрудником отделения. Кроме того, нашлось письмо родственницы одного из больных, утверждавшей, что семья не получила предварительного уведомления.

— Значит, второй документ правдивый? — спросила стажёрка.

— Значит, у нас появились основания сомневаться в первом. Это пока разные утверждения. Попробуйте найти ещё источники.

Максим проводил её до выхода, потом вернулся за пальто. На рабочем столе остался черновик письма. Он уже собирался убрать его в папку, когда заметил на обороте несколько едва различимых карандашных слов: «Надеюсь, однажды ты поймёшь, почему я молчал».

На улице было почти темно. Максим постоял у входа в институт и набрал номер Ирины. Несколько недель они обменивались лишь короткими сообщениями, касавшимися документов на квартиру и встреч с дочерью. Он хотел спросить, как она себя чувствует, но, когда услышал знакомый голос, машинально заговорил о квитанции. Ирина объяснила, что оплатит свою часть расходов, и спросила, что-нибудь ли ещё ему нужно.

— Нет, — сказал он. — То есть… как ты?

— Нормально. Работаю. В субботу с Катей еду к маме.

Максим хотел сказать, что рад за неё. Вместо этого наступила пауза.

— Макс, мне пора. Давай потом.

— Конечно.

После разговора он какое-то время стоял под навесом, слушая шорох шин по мокрому асфальту. В жизни, как и в архиве, далеко не всякая важная мысль успевала превратиться в слова. Он убрал телефон и направился к набережной.

Вечером Максим шёл по набережной, наблюдая, как ветер гонит по воде обрывки тумана. Он купил в киоске открытку с морем для сестры, собиравшейся на юг, и положил её между страницами записной книжки.

Ни он, ни Артём не знали о существовании друг друга. Их объединяло лишь то, что однажды они оба воспользовались услугами медицинского центра, связанного с частной исследовательской программой. Данные обследований давно должны были быть удалены из сторонних баз. Вместо этого они оказались в распоряжении людей, не имевших права ими пользоваться.



Глава 2. Люди без имён

В комплексе «Генезис» больше не проводили открытых совещаний. После последнего провала отчёты передавались исключительно по внутренней сети, а обсуждение новой программы происходило в комнате, где вместо окон на стенах висели панели с изображением спокойного леса. Начальник службы безопасности Лавров положил перед профессором две тонкие папки.

— Результаты предварительного отбора. Оба соответствуют основным требованиям.

Громов перелистнул первую папку. В ней находились медицинские показатели, сведения о профессии и фотографии мужчины, сделанные без его ведома. Во второй лежали аналогичные материалы.

— Они согласны?

— Вы попросили предоставить кандидатов. Согласие не входило в перечень условий.

Профессор отложил бумаги. На секунду ему захотелось возразить. Затем он вспомнил последнюю запись эксперимента и собственную уверенность в том, что именно теперь нашёл способ избежать прежних ошибок. Он спросил лишь, когда кандидаты будут доставлены.

Елена Соколова узнала о решении случайно. В перечне будущих исследований появились обозначения G-11 и G-12, но графа информированного согласия оставалась пустой. Она потребовала объяснений. Громов ответил, что административные вопросы решает другой отдел, и предложил ей сосредоточиться на разработке критериев стабильности организма.

— Вы ведь понимаете, что в этих графах должны стоять имена людей, — сказала она. — Не номера.

— Понимаю.

— Тогда почему вы подписали разрешение?

Он не ответил. Соколова почувствовала, что между ними возникла граница, которую уже невозможно пересечь обычным спором. В тот вечер она составила личное свидетельство о предыдущих испытаниях и сохранила его в архиве среди исходных научных записей. Она перечислила погибших по именам, насколько позволяла сохранившаяся документация, и указала, что не согласна с продолжением исследований над людьми. Отправить запись за пределы комплекса ей не удалось.

В тот день в службу безопасности поступило новое распоряжение о порядке оформления документов. Списки будущих пациентов должны были существовать отдельно от научных отчётов. Лавров утверждал, что такая мера защищает медицинскую тайну. Соколова спросила, от кого именно необходимо защитить тайну людей, которым не сообщили даже о предстоящем эксперименте. Он ответил, что персоналу не следует вмешиваться в служебные вопросы.

У Лаврова был странный кабинет. На полках не стояло книг, на стенах не висели фотографии; ничто не позволяло судить о том, какие интересы существуют у его хозяина вне работы. Соколова пришла туда с требованием предоставить копии согласий на участие предыдущих испытуемых. Лавров предложил ей сесть, налил воды и некоторое время рассматривал документ, который она принесла.

— Вы очень много внимания уделяете вопросам, не связанным с вашим исследованием, — заметил он.

— Жизнь пациента непосредственно связана с медицинским исследованием.

— Профессор отвечает за научную часть. Я отвечаю за безопасность. Вам стоит доверять распределению обязанностей.

— А за последствия отвечает кто?

Лавров положил документ на стол.

— По каждому конкретному случаю будет принято соответствующее решение.

Он произносил эти слова так, будто речь шла о просроченной накладной. Соколова поняла, что не сможет заставить его воспринимать произошедшее как личную ответственность. В мире Лаврова существовали учреждения, полномочия, распоряжения и установленные процедуры. Человек появлялся только как предмет, к которому применялись эти процедуры.

Перед уходом она увидела на столе две папки. На одной было напечатано имя, которое она прежде не встречала. Врач машинально запомнила его: Воронцов. Вторую Лавров закрыл ладонью.

— Доктор, — произнёс он ей вслед, — надеюсь, мы с вами не станем создавать друг другу лишних трудностей.

Соколова не ответила. Выйдя в коридор, она обнаружила, что руки дрожат. До этого разговора её тревожили научные ошибки и отсутствие согласия. Теперь она впервые испугалась за собственную свободу.



Первого декабря Артём вышел из дома раньше обычного. Он собирался заехать в магазин и купить матери подарок к воскресному обеду. У подъезда его окликнул незнакомый человек, представившийся сотрудником предприятия. Последнее, что Артём запомнил, — удивление оттого, что незнакомец знал его полное имя. Следующие события сохранились в памяти лишь обрывками: чужие голоса, холодный воздух, бессмысленная попытка спросить, что происходит. Затем исчезли и они.

Максим в тот же день закончил описание частной коллекции и по дороге домой остановился у книжного магазина. Он не дошёл до квартиры. Позднее камера наблюдения зафиксировала только пустую улицу; сведений, позволявших установить, куда он исчез, родственники так и не получили.

Когда Артём очнулся, потолок над ним оказался ослепительно белым. На запястье красовалась пластиковая лента с номером G-11. Он попытался сесть, но голова закружилась. В соседней койке лежал незнакомый мужчина с таким же браслетом.

— Вы кто? — спросил Артём.

— Если бы я знал, где нахожусь, мне было бы легче представиться, — ответил тот. — Максим.

— Артём. Мы в больнице?

Максим посмотрел на дверь без ручки.

— В больницах обычно объясняют, зачем тебя привезли.

Максим дождался, пока шаги в коридоре стихнут, и предложил Артёму осмотреть помещение. Делать выводы о том, что случилось, он не спешил. В комнате стояли две медицинские кровати, стол, прозрачный кувшин, пластиковые стаканы. Никаких личных вещей. В санузле отсутствовало зеркало. На стене виднелось отверстие вентиляции. Окно, которое Артём сначала принял за обычное, оказалось толстым наблюдательным стеклом.

— Кто-то нас сюда привёз, — сказал Максим. — Нужно понять зачем.

— Чтобы я сам не ушёл, они, судя по всему, уже всё поняли.

Артём попытался вспомнить, что происходило утром. Он вышел из квартиры, спустился по лестнице, проверил почту. В памяти всплыли лицо незнакомца и собственное имя, произнесённое с уверенностью человека, который обращается к знакомому. Дальше шли разрозненные ощущения, не складывавшиеся в последовательную картину. От усилия сосредоточиться стало тошно.

Максим принёс стакан воды.

— Не торопись. У тебя есть какие-нибудь проблемы со здоровьем?

— Нет. А что?

— Мало ли почему им понадобилось именно наше здоровье.

До появления профессора мужчины несколько раз пытались вызвать сотрудников. Один человек в медицинской форме пришёл проверить их состояние. Он не назвал своего имени и не ответил ни на один вопрос о местонахождении учреждения. При осмотре Артём заметил у него на рукаве небольшую эмблему: две переплетённые линии внутри круга. Максим попросил у сотрудника связаться с полицией. Тот молча убрал планшет и вышел.

— Мне кажется, мы не просто в больнице, — произнёс Артём.

— Мне тоже.

— Ты что-то сделал? Может, тебя ищут?

Максим коротко усмехнулся.

— Последний раз я нарушил правила, когда взял в архив чай. Ты?

Артём рассказал о предприятии и неожиданном исчезновении. Они попытались найти общих знакомых, места, организации. Совпадений почти не было. Только когда Максим упомянул недавнее медицинское обследование, Артём встрепенулся. Название клиники оказалось знакомым. В предыдущем месяце он проходил там обследование по программе предприятия.

Это совпадение не объясняло происходившего, но впервые давало надежду, что у их исчезновения существует определённая причина. Максим мысленно отметил название клиники и пообещал себе не забыть его. Он ещё не знал, что, когда вновь получит возможность обратиться к внешним источникам, самого учреждения уже не будет существовать несколько столетий.

Через стекло в коридоре прошли двое сотрудников. Артём постучал в дверь, потребовал телефон и врача. Никто не отозвался. На стене горел небольшой экран, показывавший время, но ни названия учреждения, ни номера экстренной службы на нём не было.

— Меня ждут дома, — произнёс он, словно это могло изменить положение.

— Меня тоже будут искать, — сказал Максим.

Они ещё надеялись на ошибку. Ошибка могла быть исправлена, недоразумение — разрешено. Но в документации комплекса к тому моменту уже исчезли их имена. Двое людей превратились в две строки экспериментальной программы.



Глава 3. Проект «Генезис»

Профессор Громов пришёл к ним на следующий день, если показания настенных часов вообще соответствовали действительности. Он принёс два планшета и предложил присесть. Говорил спокойно, словно собирался сообщить пациентам о результатах обычного обследования.

— Вы находитесь в научно-исследовательском учреждении. Ваше состояние стабильно. Мы намерены провести исследование технологии биологического стазиса.

— Мы не давали согласия, — сразу сказал Максим.

— Я понимаю ваше беспокойство.

— Нет, — перебил Артём. — Вы не понимаете. Откройте дверь.

Профессор посмотрел на охранника у входа. Тот не шевельнулся. Громов продолжил объяснять, что задача исследования — сохранить жизнеспособность человеческого организма на длительный срок. Он говорил о потенциальных возможностях медицины, о неизлечимых заболеваниях и будущих космических экспедициях. Ни разу за всё это время он не употребил слово «похищение».

— Насколько длительный срок? — спросил Максим.

— Определить его заранее невозможно.

— Вы собираетесь нас заморозить и когда-нибудь разморозить?

— Это неточное описание. Речь идёт о состоянии искусственного стазиса, при котором биологическая активность организма значительно ограничивается.

— Вы уже делали это с людьми?

Вопрос повис в воздухе. Ответил не Громов, а стоявшая в дверях Елена Соколова.

— Да.

Она вошла, закрыв за собой дверь.

— И они проснулись? — спросил Артём.

Соколова посмотрела на профессора, затем на мужчин.

— Нет.

Максим поднялся. Стул с грохотом упал на пол. Охранник сделал шаг вперёд, но профессор жестом остановил его.

— Значит, вы собираетесь убить нас ради эксперимента?

— Мы собираемся вас сохранить, — ответил Громов. — Именно неудачи предыдущих испытаний заставили нас изменить программу. Мы не будем пытаться пробудить вас, пока не появится возможность сделать это безопасно.

— А если такой возможности не будет?

Никто не ответил.

Профессор вновь сел. На столе перед ним лежал планшет с графическим изображением предполагаемого процесса стазиса. Он повернул экран к мужчинам и указал на кривую, которая постепенно опускалась почти до горизонтального положения.

— Здесь показано снижение интенсивности биологических процессов. Мы сохраняем структуру тканей, а затем, в подходящих условиях, должна появиться возможность восстановить их нормальную функцию.

Артём несколько секунд рассматривал изображение.

— «Должна»? Это прогноз?

— Результат моделирования.

— Значит, вы ещё не получили такого результата на практике.

Громов поправил очки.

— На уровне целого человеческого организма технология действительно находится на стадии разработки.

— Тогда зачем вам люди? Продолжайте работать с клетками, тканями, животными. У вас что, сроки горят?

Последняя фраза была произнесена почти случайно. Однако профессор отвёл взгляд, и Максим заметил, что вопрос попал в болезненное место.



— Кто финансирует вашу программу? — спросил он.

— Это не относится к вашему положению.

— Напротив. Кто-то принял решение лишить нас свободы, и я хочу знать, кто именно.

Профессор выключил изображение. Он не собирался сообщать испытуемым сведения о договорах с инвесторами. И всё же не смог избежать вопроса, который уже несколько раз задавала ему Соколова: на каком основании он считал себя вправе выбирать людей для опасного исследования?

— Наука никогда не развивалась без риска, — произнёс он наконец.

— Согласен, — сказал Максим. — Но риск, на который я иду сам, и риск, на который меня отправляет другой человек, — это не одно и то же.

Громов поднялся. Разговор оказался гораздо неприятнее, чем он ожидал. Профессор привык спорить с коллегами, которые знали правила научной дискуссии и разделяли его интерес к предмету исследования. Эти мужчины не спрашивали, сколько лет потребуется человечеству для создания безопасной технологии. Их интересовало, почему необходимыми жертвами выбрали именно их. На этот вопрос у него не было ответа, который можно было бы произнести вслух.

Соколова попросила оставить её с мужчинами на несколько минут. Когда профессор ушёл, она назвала своё имя и объяснила, что не согласна с принудительным участием в исследовании. Артём потребовал, чтобы она помогла им выйти. Соколова призналась, что её собственный доступ к внешней связи ограничили после возражений руководству. Она могла документи-

ровать нарушение, требовать остановки эксперимента и заботиться о состоянии испытуемых, но не могла обещать освобождения.

— Тогда зачем вы здесь? — спросил Артём.

Она приняла вопрос без обиды.

— Потому что, если меня отстранят, рядом с вами останутся люди, которые не станут спрашивать, больно ли вам.

Максим попросил бумагу. Соколова принесла два листа. На первом Артём написал матери: «Если ты это читаешь, знай, что я собирался приехать». Дальше рука остановилась. Он зачеркнул слово «собирался» и снова его написал. Максим оставил сестре сведения о своих документах, попросил не винить Ирину, оставил несколько строк для Кати и записал имена людей, с которыми успел познакомиться в комплексе.

Соколова сохранила письма вместе со своим свидетельством. Она обещала добиваться того, чтобы имена не исчезли из научной документации. По её настоянию к экспериментальным номерам добавили полные личные данные, а оригиналы писем оставили в защищённом архиве.

Покидая палату, она обернулась. Двое мужчин сидели рядом, хотя ещё утром не знали ничего друг о друге. Теперь их связывала не дружба и даже не доверие. Их связывала невозможность уйти.



Глава 4. Последний день прошлого

Елена добилась возможности осмотреть обоих мужчин перед началом подготовки. Она принесла обычный медицинский чемоданчик, хотя большинство обследований выполнялось с помощью лабораторного оборудования. Ей хотелось, чтобы пациенты хотя бы на время увидели перед собой врача, а не сотрудника секретного учреждения.

— Вы можете проверить, не навредили ли нам при доставке? — спросил Максим.

— Могу. И обязана это сделать.

Артём молча подал руку. Когда Соколова измерила давление, он спросил, может ли она оставить ему часы. Она объяснила, что перед экспериментом у них заберут личные предметы.

— У меня даже телефон забрали, — произнёс он. — Там фотографии матери. Я не помню, где последняя копия.

Соколова обещала выяснить, куда передали вещи. Она знала, что не сумеет выполнить большинство его просьб, и оттого каждое обещание давалось ей с трудом.

После осмотра Максим остался сидеть у стола.

— Запишите, пожалуйста, что мы не хотим участвовать в опыте. Запишите при нас.

Она открыла медицинскую документацию и при них внесла отметку. Максим прочитал её и попросил добавить, что отказ выражен обоими мужчинами. Елена исправила текст. Лишь после этого он отодвинул планшет.

— Вы понимаете, что это не освобождает меня от ответственности? — спросила Соколова.

— Понимаю, — ответил он. — Но, если вы однажды будете отвечать за всё произошедшее, лучше, чтобы у вас осталась правда.

Позднее Елена сидела над этим документом и думала, что человек, которого она должна была защищать, сам объяснил ей смысл её профессионального долга.

Подготовка к стазису заняла сутки. Артём перестал считать время по настенным часам. Ему казалось, что приборы отсчитывают не часы, а оставшиеся возможности вернуться домой. Он вспоминал материнскую кухню, шум холодильника, старые магниты на дверце и то, как раздражался, когда она слишком долго рассказывала о соседях. Ему вдруг захотелось выслушать все эти истории, не перебивая.

Максим старался разговаривать. Он задавал вопросы о работе Артёма, рассказывал о своей профессии и даже пытался шутить. За внешним спокойствием скрывалось отчаяние. Ночью он признался, что боится не смерти, а того, что близкие так и не узнают, куда он исчез.

— Думаешь, нас найдут? — спросил Артём.

— Надеюсь.

— А если правда получится? Если мы проснёмся через сто лет?

Максим не сразу нашёл ответ.

— Тогда нам придётся жить. Другого способа выяснить, зачем мы выжили, не будет.

Ужин, который мужчины почти не тронули, всё ещё стоял на столе. Артём отодвинул тарелку и спросил, есть ли у Максима дети. Тот кивнул.

— Дочь. Ей шесть лет. Мы с Ириной долго думали, что надо сперва всё устроить: квартиру, работу, накопления. Потом родилась Катя. А спустя несколько лет оказалось, что мы с Ириной уже не представляем себя вместе.

— Из-за денег?

— Нет. Деньги были удобным объяснением. Настоящая причина в том, что мы оба откладывали разговоры, которые следовало провести раньше.

Артём рассказал о своей бывшей девушке. Не подробно, но достаточно, чтобы Максим понял: перед ним человек, которого тревожит необходимость принимать обязательства, срок которых невозможно заранее определить.

— Ну вот, — сказал Артём. — Я всегда думал, что у меня достаточно времени. Не сейчас, значит, потом. А выходит, никто не гарантировал этого «потом».

Максим посмотрел на закрытую дверь.

— Только не перепутай. Ты не обязан был предчувствовать, что тебя похитят. Не превращай их преступление в собственную ошибку.



Артём впервые за долгое время улыбнулся, хотя улыбка получилась невесёлой.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Как?

— Будто пытаешься разобрать документ.

— Профессиональная деформация.

Они разговаривали до тех пор, пока медицинский сотрудник не сообщил, что необходимо отдохнуть. В действительности оба боялись засыпать. Каждому казалось, что он может потерять сознание и больше никогда не услышать голоса другого человека. Максим предложил по очереди рассказывать о каком-нибудь самом обычном дне из прежней жизни. Не о достижениях, не о праздниках, не о трагедиях. О том, как покупали хлеб, опаздывали на работу, ждали автобус, разговаривали с соседями. Так они удерживали ощущение мира, который ещё недавно казался им совершенно неинтересным.

Когда в коридоре послышались приближающиеся шаги, Максим замолчал. Артём встал, не дожидаясь, пока откроется дверь. Никто не знал, было ли за стенами комплекса утро. Они смотрели друг на друга, запоминая лица, потому что в сложившихся обстоятельствах это было единственное, что зависело от них самих.

Утром их отвели в экспериментальное отделение. Вдоль стены располагались две новые капсулы. Они ничем не напоминали фантастические аппараты из фильмов: громоздкие, непривлекательные, окружённые кабелями и медицинскими системами, они вызывали не восхищение, а страх. На соседнем рабочем столе лежала незаполненная форма добровольного согласия.

Соколова потребовала, чтобы отсутствие согласия обоих мужчин было отражено в протоколе. Ей отказали. Она повторила требование при включённой системе видеорегистрации и добилась того, что её слова остались в исходной записи.

Артём попытался отступить, но сотрудники не позволили ему покинуть помещение. Максим громко назвал своё имя, дату и обстоятельства исчезновения, обращаясь к камере, как к последнему возможному свидетелю.

— Если эту запись когда-нибудь увидят, — сказал он, — мы не соглашались на эксперимент.

Громов наблюдал за происходящим из-за стекла. Он убеждал себя, что способен обеспечить сохранность обоих организмов. Он верил, что будущее оправдает сегодняшний поступок. Но не мог заставить себя посмотреть мужчинам в глаза.

Артём услышал, как Максим зовёт его по имени. Он ответил, хотя голос уже звучал глухо и неуверенно. Ему хотелось произнести что-нибудь важное, но в голове оставалась лишь нелепая мысль: он не купил матери подарок.

— Артём, — раздался голос Максима. — Если проснёмся, держимся вместе.

— Договорились.

Соколова склонилась над первой капсулой. Она сказала, что будет наблюдать за ними и не позволит никому предпринимать попыток пробуждения, пока это небезопасно. Артём хотел спросить, сколько ей самой осталось жить и кто заменит её потом. Слова не успели сорваться с губ.

На экране появилась дата: 3 декабря 2027 года. В центральном журнале были зарегистрированы два экспериментальных объекта. В графе предполагаемой даты восстановления не стояло ничего.

Когда Громов позднее изучал запись, он увидел, что за несколько секунд до потери сознания Артём повернул голову к соседней капсуле. Профессор не мог знать, слышал ли молодой человек ещё какие-либо звуки. Однако Максим, судя по движению губ, продолжал с ним разговаривать.

Вечером показатели стабилизировались. На этот раз ни один из двух организмов не был выведен из стазиса. Громов подписал отчёт о достижении первого этапа исследования, а Лавров приказал ограничить доступ к сектору.

В квартире Артёма горела забытая настольная лампа. В доме Максима лежала открытка с морем. На следующий день родственники обоих мужчин обратились за помощью. Начались поиски, которым предстояло остаться без ответа.



Глава 5. Пять столетий тишины

В декабре 2027 года Елена Соколова ещё надеялась на скорое раскрытие преступления. Она пыталась передать сведения независимым специалистам, обращалась к бывшим коллегам, но доступ к комплексу и его архивам оставался закрытым. Громов тем временем публиковал научные статьи о сохранении клеток, в которых отсутствовали сведения о людях, находившихся под землёй.

В январе следующего года Соколова впервые увидела по телевидению сообщение об исчезновении Артёма Воронцова. Нина Сергеевна стояла перед камерой в тёмном пальто, отвечая на вопросы журналиста. Она рассказывала, что сын собирался приехать в гости, что никогда не исчезал без предупреждения и что его телефон перестал отвечать. В репортаже показали фотографию Артёма. Елена узнала молодого человека, которого несколько недель назад усыпили в лаборатории.

Она выключила телевизор и некоторое время сидела в темноте. В подземном комплексе оба организма продолжали находиться в стазисе. По расчётам учёных, при сохранении стабильности систем им ничего не угрожало в ближайшие годы. Но это не имело отношения к горю женщины, показанной в новостях. Для неё сын пропал. И никто не мог сказать, вернётся ли он когда-нибудь.

На следующий день Соколова вновь потребовала предоставить возможность независимой проверки программы. Лавров предупредил, что раскрытие информации может привести к закрытию комплекса, а это создаст непосредственную опасность для сохранности находящихся внутри людей. Возникло чудовищное противоречие: преступление, совершённое во имя спасения будущих пациентов, теперь использовалось как оправдание для дальнейшего сокрытия преступления.

Громов избегал разговоров с ней вне лаборатории. При встречах он сообщал результаты наблюдений и обсуждал прогнозы сохранности тканей. Иногда Елене казалось, что именно так профессор защищается от осознания собственной вины: он не лгал в научных показателях, а просто исключал из обсуждения всё, что невозможно было представить в виде графика.

Прошло несколько лет. Антон покинул коллектив. Другие сотрудники перешли в новые учреждения, сменили профессии или вышли на пенсию. Соколова оставалась. Она добилась того, чтобы в документации появились требования о сохранении исходных записей при модернизации оборудования. Для будущих специалистов эти требования выглядели как часть нормальной научной практики. Только сама Елена знала, насколько важны для неё были две строки с именами людей.

Через несколько лет финансирование проекта изменилось. Одни организации исчезли, другие приобрели права на исследования. В закрытых приложениях к договорам две капсулы именовались долгосрочными биологическими образцами. Их содержание оказалось дешевле, чем признание того, что когда-то произошло в стенах лаборатории. Соколова успела добиться сохранения личных дел мужчин в отдельном архиве. Она умерла, так и не увидев их пробуждения.

Годы сменялись десятилетиями. На поверхности строились новые здания, менялись правительства, совершенствовались системы связи. В течение XXI столетия человечество сталкивалось с климатическими потрясениями, миграцией, болезнями, экономическими кризисами и открытиями, которые позволяли преодолевать некоторые последствия прежних ошибок. Ни один из этих процессов не происходил одновременно во всех странах. Будущее не было единым шествием к заранее определённой цели: оно складывалось из миллионов решений, большая часть которых казалась современникам незначительной.

Когда старые международные научные организации объединили свои архивы и медицинские ресурсы, подземный комплекс получил новый статус. Его энергетическая инфраструктура неоднократно обновлялась. Технические специалисты заменяли устаревшие системы, но не решались нарушить состояние двух организмов, ценность которых с каждым годом возрастала. Сохранившихся людей объявили уникальными биологическими свидетелями начала XXI века.

Первый раз вопрос о прекращении содержания капсул подняли не медики, а специалисты по управлению имуществом. Комплекс к тому времени перешёл в распоряжение новой организации. В официальных расчётах учитывались расходы на обслуживание, срок службы оборудования и предполагаемая ценность исследовательских данных. Двое спящих людей не имели ни гражданских представителей, ни наследников, способных выступить от их имени. Поэтому их судьба зависела от решений сотрудников, знавших о них лишь по техническим паспортам.

На одном из заседаний молодой врач предложил провести полную независимую экспертизу. Ему отказали на основании закрытого статуса программы. В своём заключении он отметил, что недостаточно информации для определения возможности пробуждения. Заключение осталось в архиве и впоследствии послужило основанием для сохранения капсул ещё на несколько десятилетий.



В XXII веке лабораторные помещения расширили. Старые отделения, где прежде работали специалисты по стазису, заняли исследователи наследственных заболеваний. В новые базы начали переносить данные о клетках, изъятых для научных целей в предыдущем столетии. Изменение владельцев, названий учреждений и форматов хранения информации осложняло поиск первичных документов. При каждом переносе часть сведений терялась, а то, что сохранялось, приобретало новые обозначения.

Однажды инженер, отвечавшая за реконструкцию системы наблюдения, открыла дело G-11 и обнаружила в нём отсканированное письмо, адресованное женщине по имени Нина. Она удивилась: до этого считала, что в комплексе хранятся только медицинские образцы. Инженер включила копирование личных документов в список необходимых работ, хотя руководство не требовало сохранять подобные материалы. Именно благодаря таким решениям, принимавшимся людьми, которые не знали ни Артёма, ни Максима, часть свидетельств пережила последующие века.

Затем наступила эпоха репродуктивных открытий. Первые искусственно полученные половые клетки, новые способы восстановления тканей и программы генетической профилак-

тики превратили прежде невозможные задачи в предмет практической медицины. Начало этих исследований было связано с надеждой дать детям жизнь там, где болезнь или возраст делали это невозможным. Однако применение технологий вскоре перестало ограничиваться медицинской помощью.

Одновременно с расширением возможностей науки изменялись формы общественного управления. В мире, уставшем от конфликтов, широкое распространение получила идея единой планетарной ответственности. Одни видели в ней избавление от бессмысленного соперничества государств, другие — опасность концентрации власти. Последующие поколения редко помнили первоначальные споры. Они наследовали уже принятые решения.

За пять столетий комплекс «Генезис» перестраивали неоднократно. Над прежними коридорами возникли новые уровни. В части помещений, где прежде стояли обычные компьютеры, теперь располагались системы, способные анализировать состояние миллионов биологических структур. В центре всего этого технологического великолепия сохранились две камеры стазиса. Их оборудование постепенно заменялось, а экспериментальные номера оставались прежними.

Несколько раз исследователи приближались к возможности восстановления организмов, но получали запрет. Причины запрета менялись. Сначала пробуждение считалось слишком опасным. Позже было объявлено, что оно противоречит интересам общественной безопасности.

На протяжении истории комплекса менялось не только оборудование, но и значение слова «испытуемый». В некоторых документах G-11 и G-12 назывались пациентами, в других — участниками экспериментальной программы, в третьих — биологическими объектами. Каждое обозначение соответствовало определённому представлению об ответственности за их судьбу. Пациенту необходимо было обеспечить лечение. Участник исследования обладал правом отказаться. Объекту достаточно было гарантировать сохранность в пределах поставленной научной задачи.

В начале XXV века при обновлении государственного реестра систему попросили определить правовой статус двух законсервированных организмов. Автоматическая проверка обнаружила несоответствие между их генетическими характеристиками и актуальными критериями гражданской принадлежности. В результате ни одному из них не был присвоен гражданский идентификатор. Запись об этом не привлекла особого внимания специалистов, поскольку пробуждение мужчин не входило в ближайшие планы учреждения.

К моменту, когда перед Мирой Велан поставили новую задачу, первоначальные капсулы существовали только на фотографиях. Системы поддержания стазиса неоднократно переносили в новые корпуса, сохраняя сам исследовательский сектор на территории комплекса. Старый бетонный фундамент давно оказался под несколькими уровнями более современных сооружений. Но первоначальный архив, существовавший ещё в эпоху Громова, оставался частью учреждения. Именно в нём можно было найти и историю людей, и историю решений, превративших их в объекты.

В ноябре 2527 года распоряжение наконец изменилось. На закрытом заседании было принято решение о восстановлении жизненных функций объектов G-11 и G-12. Для этого требовалась технология, которой Громов не мог даже представить. Современная медицина позволяла оценивать повреждения тканей и поддерживать согласованное возвращение органов к нормальной работе. Риск сохранялся, однако руководство сочло его допустимым.

В полумраке лаборатории появилась женщина в белой форме. Она изучила изображения на экране и спросила:

— Это действительно они?

— Подтверждена идентичность генетических данных, — ответила сотрудница.

— Приступайте. Совет требует результатов.

На панели первой капсулы сменилось обозначение состояния. Другая система зарегистрировала признаки возобновления активности мозга. За окнами комплекса уже давно не существовало города, в котором Артём и Максим когда-то жили. Не осталось никого, кто мог бы ждать их возвращения.

Оставалась только запись: 3 декабря 2027 года. И рядом с ней — дата восстановления, которую впервые внесли в журнал пятьсот лет спустя.



Глава 6. Пробуждение

Первым вернулся звук. Где-то совсем близко мерно пищал прибор, а над ним раздавался спокойный женский голос. Артём не мог определить, на каком языке с ним разговаривают. Слова казались знакомыми, но произношение было непривычным. Он открыл глаза и увидел не потолок собственной спальни, а лицо женщины, склонившейся над ним. Она была одета в светлый костюм, плотно облегавший шею и запястья. На виске мерцала крошечная пластина.

— Вы меня слышите? — спросила она медленно.

Артём попытался ответить, но из пересохшего горла вырвался только хрип. Женщина поднесла к его губам гибкую трубку с водой. Чуть поодаль виднелась другая кровать. На ней лежал Максим.

— Он жив? — наконец выговорил Артём.

— Его состояние стабильно.

Артём попытался разглядеть помещение. Стены не имели видимых стыков, на потолке отсутствовали привычные светильники, хотя света было достаточно, чтобы различить каждую складку постельного белья. Воздух пах чем-то едва уловимым, напоминавшим холодную воду. Никаких трубок, свисающих с металлических стоек, никаких проводов, тянувшихся к приборам. Вместо этого вокруг его кровати мерцало множество мелких отметок, появлявшихся и исчезавших в зависимости от движений женщины.

Он поднял руку. Пальцы дрожали, а кожа казалась необычно чувствительной. Ему вспомнилась капсула. Соколова обещала следить за их состоянием. Может быть, эксперимент уже закончился? Если так, она должна находиться поблизости.

— Елена Михайловна где? — выговорил он.

Женщина коснулась пластины на виске.

— Кого вы имеете в виду?

— Соколова. Врач. Она была здесь.

На лице незнакомки не появилось ни тени узнавания. Артём решил, что её наняли недавно. Возможно, Громов наконец столкнулся с вмешательством полиции, и теперь весь медицинский персонал заменили. Эта догадка казалась настолько убедительной, что он почувствовал облегчение.

— Можно позвонить домой? У меня телефон забрали. Я номер помню.

Женщина хотела что-то сказать, но другая сотрудница наклонилась к ней и тихо произнесла незнакомое слово. Артём расслышал только окончание, напоминавшее слово «адаптация». Обе на мгновение отошли. Его просьба, самая обыкновенная просьба пациента, вызвала у них явное замешательство.

— Сколько времени прошло?

Женщина взглянула на свою коллегу.

— Третье декабря 2527 года. Вы находились в стазисе пятьсот лет.

Артём решил, что неправильно расслышал. Он повторил вопрос. Женщина повторила ответ, теперь уже с отчётливой паузой между словами. Он засмеялся. Смех перешёл в кашель, потом в болезненный стон. Из всего сказанного он понял только одно: его мать, если эта женщина говорила правду, давно умерла.

Дату, названную врачом, Артём сначала воспринимал как бессмысленный набор цифр. Он пытался представить, сколько это — пятьсот лет. В школе ему рассказывали о событиях, происходивших приблизительно за пять столетий до его рождения. Тогда люди путешествовали на парусных судах, писали письма от руки, не знали ничего о современной электрической сети. Между тем временем и его собственной жизнью лежали поколения, которых он воспри-

нимал как персонажей исторических книг. Теперь ему предлагали признать, что сам он оказался для окружающих таким же персонажем.

Но в памяти не существовало никакого разрыва. Он помнил Громова, холодные края капсулы и голос Максима. Он не чувствовал, что прожил хотя бы один лишний день. Если бы за дверью палаты его встретила мать, он удивился бы гораздо меньше, чем теперь, глядя на незнакомых врачей.

— Мой телефон, — повторил он.

Молодая сотрудница обратилась к нему с выражением почти детского любопытства.

— Какой у вас был телефон?

— Обычный. Мобильный.

Она не сразу поняла, чего он хочет. После объяснений спросила, имел ли аппарат отдельный источник питания и использовался ли он для передачи изображений. В другое время Артём счёл бы разговор издевательством. Сейчас ему стало страшно. Слишком естественно женщина удивлялась вещам, которые для него не представляли никакой новизны.

Врач запретила продолжать беседу, заметив изменение его состояния. Артём отвернулся к стене. В голове настойчиво возникала одна мысль: если прошло действительно столько времени, он не может даже сходить на могилу матери. Могло не остаться ни могилы, ни кладбища, ни самого города.



Он пытался вспомнить её голос. Сначала слышал совершенно ясно: «Не забудь приехать в воскресенье». Затем слова стали расплываться. Артём испугался, что начнёт забывать людей, которых ему уже никогда не удастся увидеть. Он несколько раз повторил эту фразу про себя, будто от неё зависела сохранность чего-то гораздо более важного, чем память о последнем телефонном разговоре.

В последующие часы к ним неоднократно приходили специалисты. Они проверяли способность мужчин двигаться, разговаривать и вспоминать события прошлого. Восстановление тканей после длительного стазиса требовало постоянного медицинского наблюдения. Орга-

низмы были живы, но ослаблены, и никто не мог гарантировать полного отсутствия отдалённых последствий.

Максим очнулся позднее. Едва он смог говорить, Артём рассказал ему о дате. Максим попросил показать документы, записи о пробуждении, календарь и, наконец, изображение внешнего мира. Ему отказали во всём, кроме календаря.

— Это может быть постановка, — прошептал он.

— Кому понадобилась бы такая постановка?

— Не знаю. Но пока мы видели только то, что нам решили показать.

Максим попытался попросить у врачей обычную бумагу. Ему дали гибкую светлую пластину, которая распознавала прикосновение пальца и превращала движения в письменные знаки. На её поверхности он записал имена родственников, адрес института и несколько дат, которые считал особенно важными. Затем попытался воспроизвести события последних дней перед экспериментом.

Артём смотрел на него с недоумением.

— Ты зачем это делаешь?

— Чтобы не перепутать то, что помню, с тем, что нам расскажут.

Врачи сообщили, что некоторые пациенты после тяжёлых поражений мозга способны заполнять пробелы памяти ошибочными представлениями. Ни у одного из мужчин не обнаружили явных признаков подобных нарушений, однако сам Максим считал полезным фиксировать собственные воспоминания до знакомства с историей нового мира.

Он спросил Артёма, какого числа их поместили в капсулы. Ответы совпали. Совпали также воспоминания о внешности профессора, Соколовой и устройстве помещения. На этом этапе Максим не мог доказать, что прошло пятьсот лет, но у него не было оснований предполагать, что они с Артёмом независимо друг от друга придумали одинаковую историю.

— Если мы правда в будущем, — сказал он, — где-то должны существовать сведения о людях, которые нас искали. Не обязательно фотографии. Хотя бы записи.

— А если нет?

Максим посмотрел на список имён.

— Тогда у нас останется то, что мы сами о них знаем.

На стене возникло изображение женщины средних лет с короткими седыми волосами. Она назвалась доктором Мирой Велан, руководительницей отделения биологических реконструкций. Её интересовало, когда мужчины последний раз видели своих близких, помнят ли обстоятельства потери сознания и способны ли назвать свои имена.

— Нас похитили, — ответил Максим. — Мы требуем освобождения и связи с родственниками. Если вы действительно врач, объясните, на каком основании нас удерживают.

— У вас нет гражданского статуса, — произнесла Мира после короткой паузы. — На данный момент вы являетесь объектами уникального исследования.

Артём заметил, как она произнесла слово «объекты». Так называл их Громов. Пятьсот лет могли изменить язык, науку и внешний облик лаборатории, но не это слово.

Позже, когда свет в палате стал мягче, Максим заговорил о сестре. Он перечислил имена друзей, назвал адрес старого института. Артём слушал его, не перебивая. Оба словно составляли список погибших, хотя ещё не знали ничего о судьбах этих людей.

— Они жили дальше, — наконец сказал Максим. — Даже если мы исчезли. У них были годы, радости, болезни. Нельзя думать, будто всё закончилось вместе с нами.

— А у нас? — спросил Артём. — У нас что теперь?

Максим не ответил. За прозрачной стеной прошла сотрудница в тёмной форме. Она задержалась на секунду, посмотрела на мужчин с таким выражением, будто увидела что-то неприятное и одновременно невероятное, и пошла дальше.



Глава 7. Биологическая аномалия

На пятый день Артём смог самостоятельно дойти до противоположной стены палаты. Там, где он ожидал увидеть зеркало, появилась объёмная схема его организма. При каждом движении на схеме изменялись показатели работы мышц, сердца и нервной системы. Ему показалось, что он присутствует на технической диагностике машины, только вместо двигателя и управляющего блока на экране отображались его собственные органы.

В первые дни восстановление сил оказалось труднее, чем мужчины ожидали. Артём привык к тому, что тело выполняет большую часть привычных движений без сознательного усилия. Теперь ему приходилось обдумывать даже необходимость встать с кровати. При первом самостоятельном шаге он едва не упал. Медицинская сотрудница подхватила его под локоть и тут же отпустила, словно испугалась собственного прикосновения.

— Простите, — произнесла она.

— За что?

Она не ответила. Позднее Артём заметил, что почти все молодые сотрудницы стараются держаться от них на определённом расстоянии. Они внимательно выполняли назначения врача, но избегали разговоров, не связанных с исследованием. Иногда ему удавалось уловить любопытство, иногда — отвращение, иногда — откровенный страх. Наблюдая за ними, он начал подозревать, что их поведение объясняется не только повышенным уровнем безопасности.

В одной из палат по соседству находилась пациентка, проходившая длительное восстановление после травмы. Сквозь открывавшиеся двери Артём несколько раз видел, как к ней приходят посетительницы. Они приносили личные вещи, разговаривали, помогали ей передвигаться. Когда одна из них случайно встретилась с ним взглядом, она немедленно отвела глаза и что-то прошептала сопровождавшей её сотруднице.

На следующий день наблюдательное стекло в палате мужчин перевели в непрозрачный режим. Мира объяснила это необходимостью уменьшить число внешних раздражителей. Артём заметил, что самому ему никто не задавал вопроса, мешал ли свет или движение в коридоре. От него защищали окружающих либо окружающих защищали от самого факта его существования.

Мира пришла с двумя помощницами. Она положила перед мужчинами электронные пластины с результатами обследований и объяснила, что их организмы демонстрируют признаки восстановления после стазиса. Они могли постепенно возвращаться к обычному питанию и физической активности.

— Обычному для кого? — спросил Максим. — Вы всё время говорите о нас так, словно никогда не видели мужчин.

Мира посмотрела на него с научным любопытством.

— Никогда. Ни я, ни другие сотрудницы этого отделения не встречали живого представителя вашего биологического пола до начала исследования.

Артём сначала принял это за неуместную шутку. Однако ни одна из присутствующих женщин не улыбнулась.

— То есть вы что, работаете в каком-то закрытом женском учреждении?

— Мужское население исчезло более столетия назад.

Максим привстал.

— По всему миру?

— Согласно официальным данным, да.

Он попытался выяснить, что произошло: эпидемия, наследственное заболевание, война? Мира ответила, что постепенное исчезновение мужчин было обусловлено длительными изме-

нениями репродуктивной устойчивости. Её объяснение изобиловало терминами, за которыми скрывалось удивительно мало конкретных сведений. Максим попросил предоставить статистику смертности и рождаемости. Доктор сослалась на ограничения доступа к историческим материалам.

Затем одна из помощниц принесла образцы одежды. Оказалось, что медицинская форма не предусматривала анатомических особенностей мужского тела. Девушка нервно отводила взгляд, а когда Артём попытался помочь ей разложить вещи, резко отшатнулась.



— Не приближайтесь.

— Извините. Я просто хотел помочь.

Мира попросила помощницу успокоиться. Обращаясь к мужчинам, она пояснила, что сотрудниц заранее предупредили о потенциальной агрессивности испытуемых.

— На каком основании? — возмутился Артём.

— На основании общедоступных сведений о мужчинах.

Когда помощницы вышли, Максим попросил Миру объяснить, как проводится оценка опасности. Доктор указала, что в распоряжении медицинского сообщества сохранились исторические данные, характеризующие особенности мужской физиологии, и исследования современных животных. Последнее замечание заставило Максима насторожиться.

— Вы сравниваете нас с животными?

— Сравнительная биология используется при изучении многих функций организма.

— Это понятно. Но между сведениями о физиологии и утверждением о поведении человека существует большая разница.

Мира согласилась. Она объяснила, что наличие определённого гормона, генетического варианта или особенности нервной системы не позволяет точно предсказать поступки конкретной личности. Именно поэтому медицинское обследование мужчин должно было иметь индивидуальный характер. Артём с удивлением обнаружил, что значительная часть её рассуждений вполне соответствует представлениям науки его времени.

— Так почему нас считают опасными заранее? — спросил он.

Доктор выдержала паузу.

— В инструкции сказано, что до завершения исследования необходимо соблюдать меры предосторожности.

— У вас были другие мужчины для сравнения?

— Нет.

— Тогда откуда инструкция знает, чего именно от нас ожидать?

Мира посмотрела на закрытую дверь. Она не привыкла отвечать на вопросы, которые касались не медицинских данных, а происхождения распоряжений. Ей хотелось сказать, что подобные правила утверждают специалисты значительно более высокого уровня. Однако она сама входила в число ведущих специалистов комплекса и прекрасно понимала, что этот ответ ничего не объяснит.

— Я попрошу пересмотреть некоторые положения протокола, — сказала она.

— Некоторые? — переспросил Артём.

Доктор собрала документы и пообещала вернуться вечером. После её ухода Максим отметил, что врач произнесла значительно больше, чем, вероятно, собиралась. В её объяснениях существовали две несовместимые системы: медицинская, требовавшая индивидуальной оценки, и административная, заранее определявшая место мужчин в обществе. Он ещё не знал, насколько велико расстояние между ними.

Максим запомнил эту фразу. В ней содержалось больше информации о новом обществе, чем в пространном рассказе о биологической деградации.

Вечером они обсуждали услышанное.

— Если вымирание было естественным, — сказал Максим, — должны существовать медицинские исследования, сведения о распространении заболевания, отчёты врачей. А если оно шло несколько поколений, наверняка предпринимались попытки его остановить. Нам ничего не показали.

— Может, действительно нечего показывать. Пятьсот лет прошло.

— В моей работе отсутствие документа само по себе ничего не доказывало. Но когда человеку предлагают поверить в событие и запрещают проверять источники, я начинал задавать вопросы.

Артём посмотрел на дверь. Она открывалась без видимого замка, но только в присутствии сотрудниц. За стеной проходил поток медицинских данных. Технология была сложнее всего, с чем он когда-либо работал, однако принцип оставался прежним: одни системы наблюдали за другими, а окончательные решения принимал кто-то, наделённый полномочиями.

Им обоим стало ясно, что ждать добровольных объяснений бесполезно.



Глава 8. По другую сторону стекла

Впервые Элиана увидела мужчин на экране поста наблюдения. Её назначили ответственной за безопасность сектора биологических реконструкций, не объяснив, почему двум пациентам необходима столь строгая изоляция. Лишь после проверки допуска ей показали медицинское заключение.

До этого дня она встречала изображения мужчин только в образовательных программах и исторических реконструкциях. Обычно их представляли в сценах военных конфликтов, политического насилия и общественных катастроф прошлого. В учебных материалах подчёркивались их физическая нестабильность, склонность к агрессии и неспособность существовать вне прежней системы воспроизводства. Элиана не сомневалась в достоверности этих сведений. Учителя, врачи и руководительницы государства повторяли одно и то же. У неё не было причины считать их неправыми.

На экране один из мужчин застилал постель, другой пытался разобраться с управлением устройством для подачи воды. Поведение обоих никак не соответствовало образам из учебных фильмов.

— Скучно? — спросила сменщица, заметив её взгляд.

— Нет. Просто странно.

— Не привыкай к их человеческому облику. Нам специально напомнили о рисках.

Элиана кивнула. Она не собиралась нарушать предписания. В двадцать девять лет она уже имела звание старшего инспектора и считалась одной из наиболее надёжных сотрудниц службы безопасности.

До назначения в сектор «Генезиса» Элиана почти никогда не сталкивалась с людьми, открыто оспаривавшими законность действий Совета. В образовательном центре она с удовольствием изучала историю становления современной системы безопасности. Ей особенно нравились рассказы о времени, когда государства перестали соперничать за ресурсы, а общественная служба получила задачу предотвращать конфликты прежде, чем они приведут к гибели людей.

Элиана выросла в семье, где уважение к государственной системе не считалось признаком слепого подчинения. Её мать, специалистка по восстановлению городских садов, искренне гордилась тем, что никто из знакомых не испытывает постоянного страха перед потерей работы, лечением или старостью. Она рассказывала дочери, что когда-то доступ к важнейшим благам зависел от происхождения и материальных возможностей человека. Современное общество представлялось ей результатом долгого и болезненного освобождения от прежних ограничений.

Дочь разделяла эти взгляды. В детстве она хотела стать врачом, потом заинтересовалась устройством городских служб. В возрасте девятнадцати лет Элиана выбрала профессиональное направление безопасности. На выпускном испытании ей предложили принять решение в ситуации, где действия нескольких гражданок могли привести к общественной катастрофе. Она успешно справилась с заданием, но запомнила слова наставницы: «Твоя задача — сохранить жизнь. Не доказать, что ты сильнее».

В течение последующих лет ей действительно приходилось спасать людей. Однажды во время аварии транспортной системы она помогла вывести из повреждённого здания пожилую женщину, которая не могла двигаться самостоятельно. В другой раз сопровождала группу детей из района, затопленного после необычно сильного шторма. Полученные за службу награды хранились дома у матери. Элиана почти не вспоминала о них. Она считала, что выполняла обязанности, ради которых выбрала профессию.

Но никогда прежде ей не поручали наблюдать за человеком, который считался опасным ещё до совершения какого-либо поступка. Это обстоятельство не нравилось ей, хотя она не позволяла себе открыто сформулировать причину. Из всех исторических сведений о мужчинах Элиана помнила главным образом объяснения того, почему прежняя цивилизация не могла обеспечить безопасность населения. Ей казалось, что новое задание должно подтвердить эти представления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.